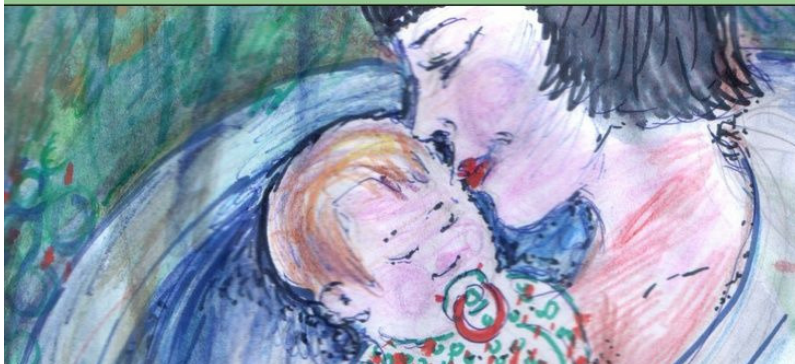

18+ Галина Маркова

Мурка стала просто Марией

Почти подлинная история внука Мурки

Галина Васильевна Маркова Мурка стала просто Марией. Почти подлинная история внука Мурки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24153009

ISBN 9785448522024

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Молодая женщина Мария усердно занималась переводами со многих языков в офисе «Катамаран». К ней приходит заказчик перевода Константин, который становится её мужем. Маша узнает, что он внук легендарной Мурки и у него есть «наследство» от неё. Маша вовлечена в эту историю, и жизнь её становится более интересной.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	31
Глава 4	39
Глава 5	50
Глава 6	58
Глава 7	65
Конец ознакомительного фрагмента.	72

**Мурка стала
просто Марией
Почти подлинная
история внука Мурки**

**Галина Васильевна
Маркова**

Иллюстратор Галина Васильевна Маркова

© Галина Васильевна Маркова, 2017

© Галина Васильевна Маркова, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-2202-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

*У меня зазвонил телефон. – Кто говорит? – Слон
К. Чуковский*

– Это МУР? – раздалось в телефоне у Маши

– Нет, это не Мур. Кто вы?

– Я тот, кто вашего знакомого посадил пять минут назад в Скорую помощь. Машина уехала. Я увидел под скамейкой, где он сидел телефон. «МУР» – это первое имя, которое я увидел, похоже, что он звонил вам.

– Спасибо вам. Я уже увидела абонента. Я его знаю. Это Остап Беркин. Что с ним?

– Ногу сильно подвернул, не мог сам встать на ноги.

– Спасибо, – говорила медленно Маша, рассматривая очередной иероглиф в словаре. Сейчас она переводила текст технический с японского языка, напечатанный иероглифами.

– Вам этот телефон завести?

– Была бы рада! Меня легко найти, – говорила она очень равнодушно, потому что была сосредоточена на переводе сложного предложения.

– Мур! Где вы сейчас?

– Мой офис «Катамаран» на первом этаже супермаркета «Аква»

– Я недавно из этого магазина.

– Можете завтра передать телефон, если будете снова в «Акве».

– Да, мне это будет удобно. А в «Катамаране» вы продаете лодки? Я бы у вас тогда купил что-либо для моря.

– Нет. Какие лодки? Название «Катамаран» потому, что мы раньше переводили с двух языков: английского и немецкого языка. А сейчас уже с пяти, но называть его звездой не собираемся, потому, что рядом, в «Морской Звезде» торгуют ластами и лодками. Вот вам и туда.

– Да, я сейчас вспомнил, что «Катамаран» и «Морская Звезда» рядом. Кого в «Катамаране» спросить?

– Марию Ульяновну Розенберг.

– Понятно, почему МУР. Это по первым буквам вашего имени, отчества и фамилии. Вам нужно сменить фамилию. До свидания.

Маша досадовала, что потеряла нить перевода, над которым она работала. Но у нее был свой метод ставить треугольники на полях черновика. Она стала обводить карандашом эти четыре треугольника и снова уловила смысл физического процесса об электролитах. Технический перевод был с японского языка. Она поняла, разницу иероглифов обозначающих кислоту или щелочь. Теперь она занялась переводом самого процесса, но вдруг снова зазвонил телефон.

– Мурка! Ты еще жива моя старушка? Жив и я! Привет, тебе привет. Как тебе удалось уцелеть?

Маша рассердилась на такое бесцеремонное обращение и выключила телефон.

– До каких пор? Не дают работать.

Но скоро Линде пришлось поднять трубку, ей тоже пришлось оторваться от перевода. У нее был немецкий текст.

– Маша. Тебя спрашивает Костя.

Маша встала и пошла к Линде танцующей походкой. У них было так принято: если вставить за чем-то, то двигаться в танце, если не было посетителей в это время. Так было и сейчас. Она взяла трубку, послушала, и Линде сказала:

– Странно, что звонил Костя. Он так давно не звонил.

– Поговори немного.

Маша взяла трубку, где Костя уже пел:

– « Ты еще жива моя старушка? Жив и я! Привет тебе, привет!»

– Привет, Костик, перезвони мне на мой номер, Извини, был разговор с клиентом.

Она отдала телефон Линде, и шла медленно к своему месту, пританцовывая на ходу и даже приседая, взяла свой телефон, включила его, скоро она услышала:

– Ты не обижайся, Мурка. Мы подвесили с ребятами у одного приятеля. Они пели про Мурку, которую боялись урки. А я им сказал, что знаю твой номер. Ты уже меня забыла? Жаль, что ты научила меня переводить, и я не хожу к тебе.

– Костя, я рада. Но ты давно не приходил. Спасибо, что два года назад твоя фирма заказала большой перевод с фран-

цузского языка, что я купила шикарные сапоги.

– А я знаю про Мурку кое-что, настоящую в кожаной ту-
журке.

– Будет сочинять. Та Мурка родилась в 1897 году

– Ты, это почему ты это помнишь?

– Профессиональная память. А я вижу, что ты хорошо там
гуляешь?

– Повод такой.

– Будь здоров. Пока.

– А поговорить? У меня записаны твои имя, отчество, фа-
милия по буквам, и кратко – «Катамаран». Вот и получилось:
Мур+ Ка

– А «Катамаран», почему сократил до двух букв?

– Люблю краткость.

– Костя, ты смешной парнишка. Спасибо, мне нужно ра-
ботать.

– За что спасибо?

– Расскажу через два дня.

Маша была рада случайному разговору, который вывел ее из тупости в понимания смысла состава электролита. Как только она положила трубку, то сразу стала быстро набирать текст на русском языке. Дело в том, что пока она танцевала, то правое полушарие мозга, отвечающее за фантазии, дало ей импульс к пониманию процесса в электролите. Она долго корпела над подлежащими и дополнениями, а сказуемое в японском предложении стоит на последнем месте. А тут

еще определения, выраженные глаголами.

И только тогда, она когда танцевала, вспомнила, про этот трудный иероглиф, который означал движение с медленным вращением. Она быстро прочла этот иероглиф и поняла, что ионы закручивались не сами по себе, а под воздействием магнита.

Сейчас, когда она села писать, то в работу включилось левое полушарие мозга. Оно уже отвечало за речь и письмо, поэтому Маша сразу набрала целую страницу перевода. Затем уже и вторую. Это уже третья часть текста.

Так она две страницы текста набрала! Это уже две тысячи рублей за день по прейскуранту для японского текста, что висел на стене. Она была довольна результатом и позвонила Косте. Он взял трубку, но просил подождать: отойдет на минутку. Маша в это время, пока Костя отходил, слышала, как компания распевала про Мурку:

*«Прибыла в Одессу банда из Ростова
– в банде были урки- шулера»*

Костя скоро взял трубку и спросил :

– Ты еще на работе?

– Да. Это так. Много работы.

– Маша, уже поздно. Тебя подвезти?

– Было бы не плохо, но, наверное, ты не в состоянии, я слышу там слишком веселое пение.

– А кто будет развозить людей по домам?

– Ты их водитель?

– Сегодня: да. Так выпал жребий. Но они еще не собираются, и я могу тебя подвезти.

– Я буду рада.

Маша удивилась, этому, и ей захотелось снова сесть за компьютер, и она сразу набрала еще пол страницы перевода. Она поняла, что основными словами перевода были: «разнести по ячейкам корпуса». Это по аналогии слов, услышанных в телефоне: «развести людей по домам».

«Не зря позвонил Костя. Это что-то значит!» – думала она пока пила чай.

Она бы еще сидела над переводом: он так легко пошел, но пришел Костя. Она не видела его два года. Он отростил бородку, которая шла ему. У него была модная кожаная куртка. Они сели в его машину, где руль был справа. Хорошая японская марка!

Маше очень захотелось потрогать кожаную куртку. Но не щупать же её пальцами, показывая свою меркантильность. Она взяла правой рукой левую руку Кости выше локтя, его рука напряглась, Костя улыбнулся, она видела, что и брови его поднялись вверх. Маше знала этот жест, как радостно приветствие, тогда она стала сжимать его руку, но она напряглась, как шарик.

– Ты, фитнесом занимался за эти два года?

– Фитнесом занимаются девушки, я не тратил деньги

на это, купили полногабаритную двухкомнатную квартиру с братом. В одной комнате постелили гимнастический мат, купили гантели, гири, подвесили боксерскую грушу и стали сами тренироваться.

– А мат зачем? Он занимает много места.

– Да. Он занимает половину комнаты, где висит боксерская груша. И если остаются гости, то постилаем одеяла на мат, и всем хватает места.

– Удивительно! Боксом стал заниматься!

– А то! Хотел тебе понравиться. Ведь два года назад я был такой тощий.

– Я это не очень заметила.

– Не заметила? А сейчас хотелось это выяснить, и решила потрогать куртку, и постеснялась сделать это?

– Ты читаешь мои мысли, – сказала она, и чтобы замять этот вопрос, засмеялась и запела: « Там сидела Мурка в кожаной тужурке». Он тоже засмеялся и сказал:

– Ты удивишься! Мой дед знал эту таинственную даму. Похоже, что она не была в банде, вернее была, но по заданию органов.

– Откуда ты это знаешь?

– Дед мой сказал, что это было тогда под секретом. Она не умерла от пули бандитов, была только ранена. Она была довольно худа до пояса, и носила толстый бронежилет. В начале пятидесятых она еще была жива. Он назвал даже её фамилию.

– Почему он знал, что она была худа?

– Он её лечил. Он был врачом. Да, что скрывать он был её любовником. Влюбился страстно. Еще двадцатилетним. А Марии тогда было двадцать пять, и она была прекрасна, «как ангел небесный»

– «Как демон, коварна и зла»?

– Совсем нет. Она ему сказала, что не похудела, а всегда была такой стройной с крепкими ногами. Носила сапоги, но также модную юбку и кожаный жилет. Иногда ходила в галифе.

– И что?

– Что, значит « что!»

– Я вижу, что ты что-то знаешь?

– Знаю. Конечно, я так много знаю, что ты даже не можешь это вообразить себе с твоими умными мозгами.

– Что тебя так понесло неожиданно, зацепись за дверку, а то...

– Это ты сиди крепче, Мурка без тужурки!

– Ты мне должен рассказать про неё, то, что тебе говорил дед.

– Тебе не надоело, что тебя зовут Муркой?

– А кто зовет?

– Слышал. Многие. Многие так зовут. Особенно те, кому ты так быстро переводишь, даже спрашивают, может у неё в шапке-невидимке наган, который выстреливает ей в ухо слова перевода.

– Не это, но что-то похожее было после трепа с тобой. Все ионы разбежались как по команде по ячейкам, за стенками которых стояли полюса магнитов. Что я все это видела как на картинке, и описала быстро со всеми нужными эпитетами, что совсем не обязательно в техническом переводе. Все это можно дать в эскизе.

Они приехали к её дому. Мурка пригласила к себе, но он посмотрел на часы и сказал только:

– Мне пора развозить компанию по домам. Но подумай, как стать просто Мусей.

– Как это?

– Выходи за меня. И будешь Марией Ульяновной Семченко: М+У+Сем.

– Мусем! – Чтобы нравится всем! – засмеялась Маша, – нет, ты меня. так не зови лучше. Один, другой услышит, и появится новое имя.

– Дай ручку.

Он поцеловал ручку, долго держал в руке, а после быстро пошел к машине. Это обрадовало девушку таким образом, что вечер для творчества продолжался. Маша снова села за компьютер, перевод пошел быстро. Она поняла, что представляет собой текст, где было целых восемь иероглифов, которые трудно было ей перевести раньше, не могла схватить смысл. А сейчас после разговора с Костей о боксерской груше и гимнастическом мате все стало на свои места.

Она набрала складный текст: «электрическая проводи-

мость объема кислоты, принятого за единицу, и помещенного между плоскими электродами единичной площади, находящимися на расстоянии друг от друга, равном единице «общения» – это последнее слово она еще не могла осилить, потому что недавнее теплое общение с Костей в машине сильно будоражило её.

Она сравнивала своего прежнего мужа с Костей. И Костя явно превосходил его в тонкости понимания её души. Кроме того, Костя возмужал за эти два года. Возможно, потому что он занимался физкультурой. Да, он раньше был худощав, а сейчас, когда она взяла его руку выше локтя, она почувствовала сильные мышцы. Они были теплыми. Ей уже тогда захотелось, чтобы он обнял её. Её уже давно никто не обнимал, а годы летели как птицы по небу. Ей стало жалко себя. Ей хотелось бывать в компаниях, где бывал Костя, где люди веселились, радовались жизни, а не сидели за переводами с японского языка. Она в отчаянье бросила учебник японского языка на пол. Посидела, вспомнила, как держала руку Кости, подняла учебник и погладила его, как котика. Котик был раньше, но мама забрала его с собой, когда уехала в Москву к младшей дочери, сестре Маши.

Глава 2

*Прибыла в Одессу банда из Ростова
В банде были урки- шулера
Банда заправляла темными делами,
А за ней следили мусора
Я. Ядов.*

На другой день в «Катемаран» пришел молодой человек и принес телефон Остапа Беркина. Он был не долго, в руках держал большой пакет с ластами, и радостно говорил:

– Добрый день! У вас «Катемаран», а ласты я купил в «Морской звезде». Это хорошо, что я приехал к вам. Там была акция на цены, и я купил две пары. Пока.

Он убежал, даже дверь не закрыл. И это хорошо: дверь была тугая, а здесь вошла старушка с сумкой. Она достала письмо и сказала:

– Здравствуйте, девушки. У меня письмо на немецком языке.

– Это ко мне, – сказала Линда, встала, взяла старушку за руку и усадила рядом собой, продолжая говорить, любезно, – я пенсионеров обслуживаю бесплатно.

– Спасибо, милая девушка, но шоколадку я вам оставлю. Мне сладкое нельзя.

Маша задумалась, держа в руках телефон Андрея. Он намекал раньше ей про замужество. Но даже цветов не дарил.

А ей нужно было выходить замуж. Она ждала, что Остап Беркин сам зайдет к ней. И она отдаст ему телефон. Она не хотела разыскивать его по больницам. Раз просто вывих, то он пройдет скоро. Или не скоро, но пройдет. Это теперь уже не актуально: Костя объявился.

Маша улыбалась, вспоминая про него, такого милого, и снова листала, и листала таблицы с иероглифами. Сейчас она так сильно была увлечена японским языком, что выпишала кассеты об образе жизни в Японии. Даже предпочитала из еды рис с минтаем. Так рекомендовала японская кухня. Правда, там еще было много морской капусты, и крабов тоже. Еще жареная курица с креветками и имбирем. Но Маша не любила возиться с курицей и креветками. А мороженных крабов не было в супермаркете, морскую капусту Маша не любила, а любила нашу, белую кочанную капусту, а также зеленую брокколи, где много полезных витаминов.

Линда в обед ела крабовые палочки, и говорила, что в их составе есть рыба, похожая на рыбу: минтай. Маша стала покупать крабовое мясо, и поняла, что там тоже есть белая рыба и морские продукты, которые советовали кушать японцы для долголетия. Ведь, японцы были на первом месте в мире по долголетию.

А Наташа предпочитала красную рыбу, все сорта лососевых рыб. Она сама солила рыбу небольшими порциями и приносила на обед бутерброды. На хлебе был слой сливочного масла и кусочки красной рыбы. Это выглядело, как бу-

терброды с красной икрой. Наташа утверждала, что только эти бутерброды спасают её от напряжения при работе. И еще Наташа часто говорила о жизни в Америке.

Маша тоже стала покупать кету, тоже солила небольшими порциями и благодарила Наташу за этот рецепт: немного соли, немного красного перца. Все поместить в небольшой судок на два дня в холодильник. Раньше еду готовила мама, но недавно она, уехала в Москву к младшей дочери Ксении, которая тоже раньше работала здесь переводчиком, но она съездила в отпуск на море, познакомилась там со своим теперешним мужем: через год удачно замуж, и уже родился ребенок.

Мама недавно переехала к ней помогать. Муж Ксении работал в посольстве и носил фамилию Блюмберг (Цветочная гора). Ксения прислала фотографию. Да она была крошкой рядом с этим мужем. Он, действительно был как цветочная гора. Он был румяный и даже в красной рубашке. Маша написала письмо, где просила Ксюшу не уезжать в Германию. Та ответила ей, что её мужу нравится жить в Москве. Его мама тоже была русская, она звала его Костей.

Маша сердилась, что она фамилию Розанова сменила на фамилию Розенберг. Три года назад вышла замуж за сокурсника. Но жили они не долго. Этик Розенберг долго звал её в Германию на постоянное место жительства. Маша приехала к нему, и жила там два года, где была хорошая двухкомнатная квартира. Но жить она там не смогла. Они развелись

без сожаления, печали и скандала. У Эдика была на примете другая женщина, тоже русская, которая забеременела от него. Случайно. Так бывает. Это ускорило развод. За Машей осталась на родине не только двухкомнатная квартира от Эдика, но и фамилия Розенберг. Она пока её не успела сменить.

Пока Маша жила в Германии мама сдавала эту квартиру, И Маше пришлось сделать капитальный ремонт по своему вкусу..

Скоро Маша поняла, что фамилия Розенберг помогла ей в становлении профессии. У неё появилось много заказов из Германии на переводы, теперь он давался ей легко. Но затем в отдел пришла работать Линда Кефер. Она была этнической немкой и переводила почти без словаря. Только, если были технические тексты, то она сразу обращалась к Маше за помощью, потому, что Маша окончила Электротехнический институт, и легко понимала суть проблемы. В этот офис она попала случайно. Пришла, чтобы ей перевели статью начальника отдела, который сделал изобретение. Перевод отдали Наташе.

Но Наташа так долго путалась в терминах электричества, что Маше пришлось ей помочь. Она незаметно и сама увлеклась переводами. Скоро уволилась из НИИ: к ней усиленно приставал начальник отдела. Пока он был в отпуске, она оставила на его столе листок, где нарисовала ему фигуру. Быстро уволилась, потому, шло сокращение кадров. Ушла быст-

ро, оставив прощальный торт на столе в общей комнате.

В «Катамаране» её приняли охотно, они её уже знали, кроме того, опытный переводчик с трех языков, Степан Григорьевич, который работал здесь с момента основания, ушел на пенсию. Все жалели: он переводил даже с японского языка.

Машина квартира была недалеко, и она с удовольствием проходила пешком тридцать минут до работы.

Неожиданно пришел текст на японском языке, причем написан иероглифами. Еще помнили про Степана Григорьевича, он ожидал, такие переводы будут отправлять ему домой. Но начальник «Катамарана» уехал к маме на месяц в деревню. Просил его не беспокоить по телефону, оставив Машу, как своего заместителя.

Она уверенно села за стол начальника. Тоже, как начальник, просила Наташу или Линду принести ей чашку кофе. В это время Маша не только принимала заказы и устанавливала их очередь, но засела изучать японский язык по толстому учебнику, оставленным Степаном Григорьевичем. Так, просто ради интереса. Она удивилась, что сказуемое в японском предложении стоит на последнем месте. Удивления были и после. Так она узнала о разных системах письма в Японии: кандзи (иероглифы), хирагана и катакана.

Вначале пришла в большое затруднение. Нужно было ехать к Степану Григорьевичу. Линда позвонила ему. Он был на даче. Тогда она посоветовала Маше:

– Ты, с твоим упорством, и, окончившая такой трудный институт, как Электротехнический, разве не сможешь разобраться в этих трех системах?

Природное упрямство Маши взяло вверх над ленью, и она взялась за учебник. Наташа нашла в столе еще одну книгу от Степана Григорьевича, и она принесла ее Маше.

Маша купила недавно вышедшее пособие по изучению этого языка, нарядно изданного в Англии, обложилась учебниками и стала штудировать язык нашего соседа на Востоке. Она была рада, что для практических нужд в современном японском языке используется чуть больше 3000 знаков. Из них она вы брала для начала всего 100 иероглифов в виде таблиц. На восьмое марта над стеллажами укрепила плакат: «*Я люблю вас*». Но он был изображен крупными иероглифами. Некоторые посетители его снимали на телефон и дарили своим любимым.

Над общим столом повесила текст на японском языке: «*Watashi wa onaka ga suite imasu. – Я проголодался*» Этот текст веселил приходивших сюда людей, и они шли покупать еду а «Акву». Один упитанный парень рассказал в «Акве» администратору про этот плакат. Тот удивился, зашел к соседям, увидел это текст и заказал длинный плакат, который висел над рыбной продукцией: «*Watashi wa onaka ga suite imasu. – Я уже проголодалась, но ем только море – продукты*» – на нем была изображена изящная японка с банкой морской капусты.

Скоро все банки с морской капустой исчезли с прилавка, и пока ждали новую партию, повесили: «*Watashi wa onaka ga suite imasu.* – Я проголодалась, но ем только рис с минтаем» – на нем была изображена изящная японка с тарелкой, где было три кусочка минтая, в томате и рядом две ложки риса. Но русские ели гораздо больше, чем эта японка и магазин избавился от залежей риса, а минтай только успевали подвозить с базы. Администратор принес трем женщинам в «Катамаране» льготные дисконтные карты.

Но администратор не унимался, и другой длинный плакат висел над хлебной продукцией: «*Watashi wa onaka ga suite imasu.* – Я проголодалась, но ем только хлеб с этого прилавка» – на нем был изображен спортсмен-китаец с гантелями в руках

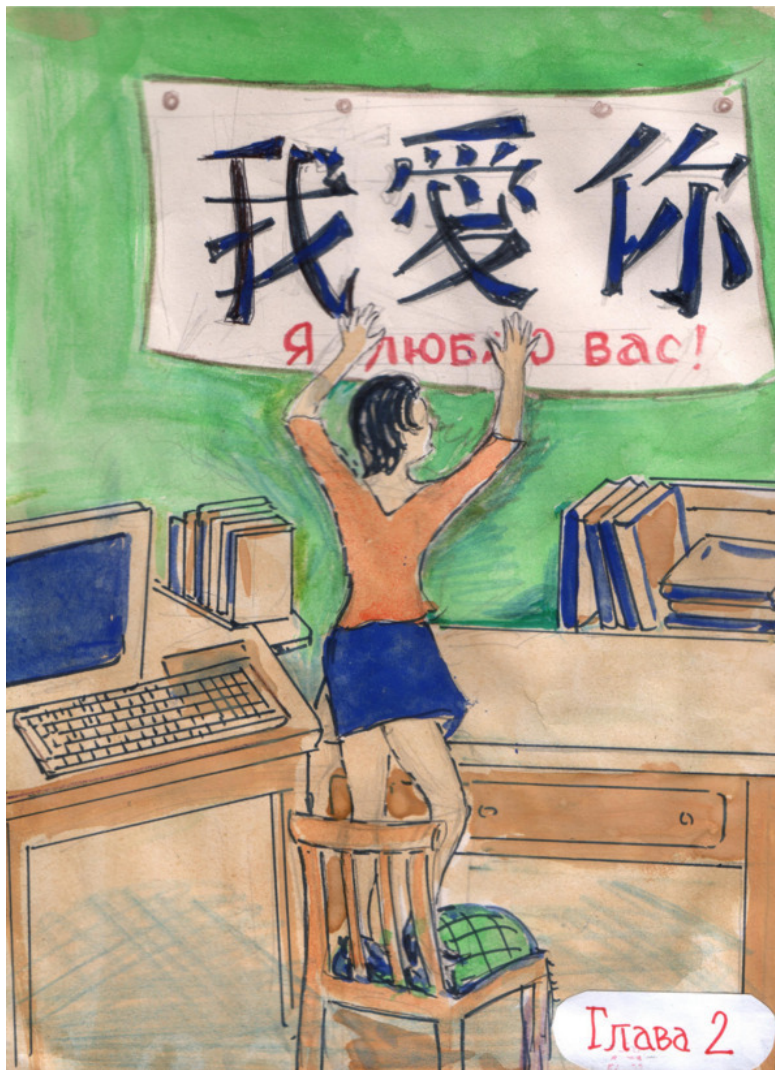
Девушки-переводчицы смеялись и повесили плакат с иероглифами и слова: «Я люблю плавать!» Они нашли изображение девушки с ластами в руках и повесили рядом. Скоро и в магазине «Морская звезда» тоже повесили такой плакат, а хозяин магазина принес в «Катамаран» три женских пары ласт и одну для их начальника.

Часть таблиц, нарисованных цветными фломастерами, Маша развесила по стенам офиса, и часто на них смотрела, призывая это делать Линду и Наташу. Наташа после этого

бралась за голову, затем выпивала две чашки кофе. Затем долго делала наклоны тела и головы. И только после этого садилась за работу. А Линде эти таблицы, нарисованные цветными фломастерами, снились во сне, а иероглифы на них шевелились, как живые существа.

Маша убрала таблицы со стен, оформила их в виде журналов. Это ей помогло. В это время она прочла про новое слово «эгрегор».

Она перевела это слово с греческого языка, и поняла, что это- обобщенная душа чего-то. Поэтому, «душа японского языка» слетала к ней с этих картинок, и помогала удачно перевести первый материал с японского языка. Тем более: через несколько абзацев иероглифы повторялись. Маша от этого радостно смеялась и хлопала в ладоши. Линда смотрела на нее, пожимала плечами и корпела у компьютера, а Маша рассматривали иероглифы как действующие лица в пьесе. Ей казалось, что и она когда-либо напишет пьесу, но пока не знала о чём писать. Иероглифы её не только забавляли. Она чувствовала, как некая сила японской нации входила в неё и делала её уверенной и смелой.

Глава 2

Новые фломастеры смело раскрашивали одним за другим следующие иероглифы. Красный цвет обозначал повторение главных фигур в других иероглифах, как в однокоренных словах. Так это занятие, похожее на детскую игру – конструктор, втянуло его хозяйку в изучении других восточных языков и привело на этом поприще к хорошему заработку.

Она вспомнила, как Костя два года назад принес ей большой заказ. Нужно было перевести на немецкий язык их документы по управленческой деятельности и много другое. Она тогда с ним ходила в кино два раза. Но тогда еще был Эдик здесь и все затихло.

Сейчас чувствовалось напряжение в голове, после работы зашла в «Акву» купила крабовое мясо, брокколи и кефир. С работы шла уверенно, повторяя несколько бытовых фраз из Японии.

А фраза « Я уже проголодался» веселила её и развивала аппетит. В почтовом ящике она взяла письмо от мамы, которая писала, что скоро станет бабушкой во второй раз.

«Придется мне догонять младшую сестру», – думала Маша и готовила ужин. Брокколи сварилась быстро, и Маша съела её быстро без соли и масла, так была голодна. Крабовое мясо оставила на утро и на обед в офисе. Соли употребляла мало. Считала, что её достаточно в минтае. Эта рыба набиралась много солей, проживая в океане. Маша включила телевизор, та пела женщина про океан любви. Маша отвечала

ей, что в океане плавает рыба, и выключила телевизор.

Снова думала про то про Остапа, то про Костю. Думала, кто будет отцом её ребенка, и с этим нужно было спешить. Перед сном она только выпила стакан кефира и маленький кусочек хлеба с сыром: боялась поправиться от сидячей работы.

Да, японцы уже поняли вред от сидячей работы. Не даром, Маша просила у начальника новый высокий стол, чтобы работать за компьютером стоя, как стоя писали свои романы Лев Толстой и другие писатели. Начальник обещал подумать, и стал искать в интернете такой высокий стол. Он уважал усердную сотрудницу и потакал её во многих вопросах.

А сейчас усердная сотрудница приняла ванну и быстро заснула под странным ощущением новизны, навеянной Костей, закрыла плотные шторы. Но действие полной луны имело проникающее воздействие, и она увидела удивительный сон.

Маша ясно видела не только себя, но и Костю, он был в куртке из тонкой шерсти. Она это ощущала эту ткань, так как взяла его руку выше локтя они шли по тротуару – впереди была яма и она решила взять его руку. На нем были офицерские военные сапоги. Такие сапоги оставил в шкафу Степан Григорьевич, и они всем надоели. Он был военным переводчиком, но называл себя политработником. Костя во сне был её мужем, он называл её Мусем, и это было приятно для неё. Они шли и шли, но вдруг их окружила шпана, иначе

трудно было назвать эту орущую группу людей, которые пели песню, и Маша проснулась от нее:

*Прибыла в Одессу банда из Ростова
В банде были урки- шулера
Банда заправляла темными делами,
А за ней следили мусора*

Еще только светало. Форточка была приоткрыта, и оттуда и неслоь это пение, которое постепенно затихало, любители песни уходили дальше.

На другой день, она работала без напряжения, но удивительно, что много перевела. Перевод шел легко, как песня, что была утром под окном. Маша тихо ее напевала, работала легко и быстро. Время пронеслось незаметно. Она только чай выпила в обед и съела кусочек хлеба, две мойвы копченой. Пришел новый заказчик и долго объяснял технологический процесс, описанный в статье. Они долго говорили, уже не только о теме перевода, а про жизнь тоже. И Маша снова ушла после Линды и Наташи. Закрывает офис, сдала ключи сторожу, который уже смотрел сериал, и радостно пошла в магазин «Аква».

Все буквально она покупала только здесь, здоровалась

с продавцами, имела льготную карточку. Была ранняя весна: стояли высокие цены на свежие овощи, но она снова купила брокколи, много огурцов, укропа, и зеленого лука. Дома приготовила салат с яйцами, майонезом, огурцами, укропом и зеленым луком. Остальные огурцы посолила с чесноком и укропом. Думала про Костю.

А он и пришел, без всякого предупреждения. Принес кусок окорока и красного вина. Он сразу ощутил запах свежих посоленных огурцов и радостно произнес:

– Привет, Маша, чем у тебя так пахнет чудесно?

– У меня всегда чудесно пахнет. Почему ты ничего не сказал, что придешь?

– Я знаю, что женщины начинают готовить, что-либо, на подобие модной лазаньи. А я люблю просто глазунью, лапшу и котлеты все отдельно.

– Отдельно от мух, как говорил президент.

– Какой?

– Неважно. Скажем, что это президент холдинга «Океан», я вижу, что ты принес вино.

– И не только вино.

– Ах, это вино? Такая дорогая марка, – говорила Маша, принимая бутылку красного вина.

– За возобновление нашего знакомства.

– А твоя бывшая жена?

– У меня не было жены. Были отношения, но из-за моей вечной занятости не длится это долго. Моя Лена уже име-

ет двух детей от моего приятеля, и они хорошо живут. Дай им Бог здоровья. Маша видела, что он врал, но уже ничего не хотела менять.

Костя был в восторге от салата, а огурцы в банке советовали придти ему через два дня. Он сам нарезал тонко ломтики окорока, а из кости советовал хозяйке сварить харчо к его следующему визиту

– Тогда, позвони за день, чтобы я успела сварить бульон. Понятно, что рис, лук, лавровый лист, чеснок есть всегда у хозяйки, а вот морковь не всегда бывает в холодильнике.

– Как ты хорошо знаешь про харчо?

– Даже то, что чеснок класть только после того, как суп уже снят с огня, – говорила радостно Маша и вспоминала свой сон про Костю. Ей уже хотелось его объятий, она говорила, что видела пророческий сон.

– Это ладно, а как вино? – говорил кавалер, не торопясь, он уже чувствовал настроение хозяйки и был доволен этим вечером.

– Давно не пила такого. Оно мне по вкусу, и я скоро не смогу связывать слова, так уж поговорим сейчас обо всем.

– Ты сейчас и говори, – сказал Костя. Он сел на диван, и уверенным движением привлек хозяйку к себе. Но посадил пока рядом с собой, и обнял её за плечи. Она только этого и ждала, поэтому она уже свободно положила голову на плечо Кости. И даже нисколько не была этим смущена, поскольку это было похоже на продолжение её сна прошлой ночью,

и стала рассказывать этот сон Косте. Но он ее поправлял, говорил, что это не так было.

– Ты почему это говоришь? Ведь это было в моём сне.

– В твоём может и так! Но в моем сне было все иначе.

– Как?

Он стал ей рассказывать свой сон, вначале это почти, как во сне Маши. Он помнил, как Маша схватила его за руку выше локтя. Он даже проснулся от этого. Но увидел, что рука лежала на толстой книге и затекла. Он несколько раз говорил слово «затекла», «затекла». Постепенно его язык стал заплетаться, и он заснул прямо на диване. Маша заботливо уложила его ноги на диван, закрыла его пледом, и сама спокойно спала в своей постели, и видела продолжение сна.

Утром они пересказали друг другу свои сны. Долго смеялись и решили, что теперь им нужно спать вместе. Скоро они подали заявление в Загс. Но не стали дожидаться того, когда в их паспорта поставят штампы и Костя переехал к ней жить. Молодая женщина была так рада этому, что даже капусту брокколи заменила капустой белокочанной, тушила ее с курицей. И они ели это блюдо два дня.

А свадьбу решили справить летом на пикнике. Маша много знала про обычаи Японии, она и сказала Косте, что там маленькие квартиры. Люди не приглашают к себе домой по случаю праздника, а приглашают гостей в кафе, ресторан или на пикник. Хотя её двухкомнатная квартира, больше многих таких квартир, и уютная. Но было много книг на стеллажах.

Цветов, картин, две напольные вазы. Она ничего не хотела переставлять, и все отложили до шашлыков на лоне природы.

Костя был во всем согласен с супругой. Он так теперь её и называл. Любил говорить часто в обществе: «Моя супруга купила мне новый ремень», и показывал им его. Другой раз говорил: «Моя супруга варит такой вкусный красный борщ! Такой борщ только варят на Украине!»

Ему отвечали: «Это понятно, ты ведь Семченко, ты «семечко»!. От тебя пахнет Украиной и подсолнухами. Только ты «вышиванку» не носишь!». Он уходил от ответа или переходил на разговоры про шашлыки или чебуреки. Чебуреки у Маши получались хорошо.

Её мама делала их часто, но для детей лепила меньшего размера, чем у восточных людей, чтобы не выливался бульон во время еды: дети часто ели их во время просмотра кинофильма. Мужу она дела большие: только два чебурека помещались на плоской тарелке. Но муж скоро уехал к сыну в Ленинград, к сыну от первого брака. Простились спокойно, так как чувства остыли. Маша была темненькая, как папа, а Ксения была светлая, как мама.

Глава 3

*У самовара я и моя Маша,
А на дворе совсем уже темно.
Как в самоваре, так кипит страсть наша.
Смеется месяц весело в окно.
Ф. Гордон. (Квятковская)*

В июне была свадьба на даче у приятеля. Шашлыков было много, как и веселья. Подарили большой электрический самовар и набор чайной посуды и несколько упаковок разного сорта чая.

Гости не звали невесту Муркой, но все равно пели:

*Верх держала баба – звали ее Муська,
Хитрая и смелая была.
Даже злые уськи – все боялись Муськи,
Смелую ведь жизнь она вела.*

– Ты же теперь Маша Семченко (Муська), и уже нет урчания, как у Маши Ритберга.

– Я не была Ритберг. А была Розенберг.

– Все равно корень слова —«берг» – это гора, а ты была неприступна раньше. А сейчас – семечки!

Все смеялись, а Маша даже не обижалась. «Это такие мелочи, – думала, – если начну обижаться на пустяки, то мо-

гу потерять тонкую нить настроения окружения. А это сейчас важно, потому она ясно видела перед собой цель: написать роман о Мурке. Нужно было не только собрать материал о том периоде, но и понимать, как изменяется поведение «толпы». Так в её голове стали называться знакомые, если их собиралось больше трех человек.

Кроме этого в коллективе часто находился человек с не адекватным поведением или высказываниями, которые отражали тонкости момента. На Руси таких людей просто называли «юродивыми» Маша сходила в церковь и там спросила у священника про юродивых людей.

Тот был краток и сказал только: « Бог хочет, чтобы люди стали глупы в земных делах. И умны в небесных. Мы называем умными того, кто умеет выполнять Божью волю».

Маша медленно шла из церкви осмысливая эти слова бабушки по- своему, и поняла, что простые люди, или те, кто играет простачка, легче добиваются успеха, чем те, кто кичится своими знаниями или званиями.

Она повторяла: « Знания дают звания, а незнания – обаяние!»

По пути купила газетку с программой телевидения. Среди рекламных объявлений была реклама средств косметики. И рядом напечатали стихотворение «начинающей поэтессы». Она писала про кафе «Эль» так:

В «Эле» сидела Эльвира- простачка,

*Только с виду: пацанка! Парней с ума сводила,
Не грудью пышной или бедрами в обтяжку
На ней была тельняшка, и джинсы в заплатках,
И волосы взлохмачены на голове
Один парнишка смелый схватил её случайно
За волосы, чтобы поправить их,
А те поднялись дружно: парик носила
Крошка и рыжие кудряшки
Легли на плечи девушки при всех.
Все думали, что девушка смутится,
Но ошибались дяди, кто рядом.
Девушка вскочила, плясала так отважно.
Что эти дяди деньги кидать ей стали:
В сумку – она уже заранее, раскрыла сумку эту.
Вдруг села на колени дяденьке уютно,
И стала его нежно обнимать.
Другой имел обиду, напомнил ей про «мать»
Она, чтобы совсем не сплеховать,
собрала деньги быстро, и этого хватило
Оплату в универе оправдать.*

Маша посмеялась, но почему- то это стихотворение стало двигать её мысли к ресторанам, где ранее имела успех Мурка. Села в автобус и доехала до остановки «Библиотека». Она зашла в библиотеку, там она была записана, и попросила большой словарь японского языка. Пока его приносили, Маша рассматривала выставку «История моды». Она долго стояла у журналов 1920 по 1930 годы. Мода этих лет удиви-

ла Машу тем, что были и короткие юбки и длинные. А если были длинные, то с разрезом до пояса. Почти выглядывали подвязки чулок.

Маша перевела глаза на более ранние журналы, где были женщины в корсетах. И поняла, как выгодно отличался образ моделей двадцатых годов: раскрепощенной женщины с короткой стрижкой. Ясно, что это была жесткая укладка локона, возможно на ночь со сладкой водой. Концы темных волос воинственно поднимались лихо вверх над ушами и никаких серег. Женщины часто держали в руках длинные сигареты в мундштуке. Это было немного вызывающе и понятно. Ленин провозгласил равенство между полами. Женщина была на равных с мужчиной.

Принесли два тома японского словаря: так много места занимали иероглифы. Не беда, что словарь был японо – английский. Английский язык для Маши был почти родным. Но служащая ехидно посмотрела на неё и ушла далеко от неё.

Маша посмотрела на это с улыбкой, достала телефон и блокнотик из кармана (сумки не разрешалось проносить), и стала фотографировать нужные иероглифы. Он не знала можно это делать или нет, но служащая была далеко. Маша успела снять нужные иероглифы на телефон. Но она стала снимать еще моды с журналов 1920 по 1930 годы. Мода на темные волосы тоже была заметно проявлена: блондинки просто исчезли. А ведь Мерилин Монро наоборот перекрасилась в блондинку. Ну, это уже после тридцатых лет.

А сейчас Маша снимала фигуры женщин с плоской грудью. Заниженная талия платья еще больше подчеркивала изящную худобу женщины. И это было красиво! Это помогло Маше создать в голове образ женщины, которая могла понравиться главарю банды. Ясно, что в Одессе, этом портовом городе, если и был начальник шайки, то он был образованным. Он был в курсе событий, веяний, иначе, как можно было находить «контакты» с бизнесменами – нэпманами, которые были тогда в расцвете и делали новую успешную экономику страны. Ленин быстро сообразил, что экономика упала, и решил временно погрузить страну в капитализм.

Маша сняла все, что хотела, сдала два тома японского словаря и попросила на дом детектив о двадцатых годах прошлого века. Ей принесли целых три книги. Она взяла их все и пошла домой варить харчо.

Костя позвонил, что задержится. Маша поставила варить кость от окорока на слабый огонь. Харчо было теперь их самым любимым супом. И вкусного мяса нарежут с копченой ноги свиньи, суп отличный с чесноком и морковью, и картошку не нужно чистить.

Костя еще позвонил и извинялся, что его так задержали, и Маша погрузилась в чтение первого детектива. Там в обширном предисловии рассказывалась история возникновения этого романа. Это и было самым главным для Маши.

Ей нужно было, как можно ярче представить обстановку, когда процветали банды на юге страны. Они переезжали

из Ростова в Одессу, затем отсиживались в Киеве или в Тамбове.

Маша понимала, что этим бандам ещё далеко было до банд девяностых годов. Но в ресторанах и тогда сидели бандиты и многие там совершались сделки, и девицы вроде Мурки крутились, создавая ареал полноты жизни.

Интересно, что имя Мария встречались наиболее часто. Хотя были Наташи, Ани. Еще ходили слухи о подвигах Соньки- Золотой Ручки. И многие женщины использовали её прием под названием «Гутен Таг!» – « Доброе утро!» на немецком языке. Это было так.

Девушка подкупала охрану. Ночью или под утро надевала мягкие тапочки без каблучков, тихо шла по коридору и находила открытые двери в номерах. Возможно, что из этих номеров выходили проститутки, и двери такие были. Например, одна девушка Наташа (а не Маша) проходила тихо в комнату спящего богатого мужчины, грабила, как могла. Складывала все в сумку. Если мужчина просыпался, то Наташа распускала шикарные волосы, начинала раздеваться до красивого нижнего белья. Мило улыбалась, говорила на немецком: «Гутен таг!». Снова лепетала несколько фраз на немецком языке, путая их с французскими словами, которых знала не так уж много. Постоялец обычно глядел на её голые ножки и тоже улыбался, Наташа делала вид, что ошиблась, извинялась на русском языке с акцентом немецкого языка, одевалась и уходила очень быстро полуодетая, кладя

одежду в сумку неряшливо и извиняясь на русском языке, что ошиблась номером, где её ждал кавалер.

Так ей удавалось грабить богатых мужиков и делиться с охраной деньгами. Тогда про наркотики ещё не говорили, как и про похищения людей на органы. Поэтому мужчины, часто не сообщали, что их одурачила так ловко неизвестная «баба». Наташа «работала» в нескольких отелях, содержала свою семью и помогала бедным и беспризорникам тоже.

Все это Маша прочитала в обширном предисловии к роману, поэтому отложила роман, так как позвонил Остап.

– Маша! Привет, я лежал в больнице. Думали, что у меня вывих, а оказался перелом голени. Как живешь?

– Остапчик – мой мальчик, живу хорошо, вышла замуж. Твой телефон у меня в офисе «Катамарана»

– Шутишь?

– Про телефон?

– Нет, что вышла замуж.

– Нет, Остап, не шучу. Живу хорошо.

– А как же я?

– У нас Наташа живет одна. Она такая красивая, но такая скромница, словно боится расплескать свою природную красоту, и прическа у нее самая простая, да и одежда тоже.

– Я подумаю. Но, как, же так, я опоздал!?

– Ты опоздал всего на один день.

– Как?

– Мне позвонил парень по твоему телефону, сказал, что нашел его у скамейки, а тебя увезла Скорая помощь.

– Ну. Да, так было, я тебе звонил, а сам ходил в это время в парке. Запнулся о кирпич, упал, думал, что вывихнул ногу, а был перелом. взялся на неё и уронил телефон.

– Ты говоришь по телефону сейчас, то не ходи уже. Нет, ты лучше завтра позвони Наташе. Но если девушка тебе ответит, то приди лучше с цветами.

– А... понял свою ошибку: я не приносил цветы на свидания. Какой же я был дурак! Я не жадный, просто всегда торопился к тебе. Мне хочется теперь заплакать.

– Не плачь. Я тоже буду плакать, а придет мой муж и не поймет, почему у меня красные глаза. Я вспоминаю наши встречи, но, увы и ах. «Рояль в кустах» появился, а мне уже пора выходить замуж. Но, пока, пока: мой муж уже пришел.

– Пока, пока, нажму ему бока. Но рано или поздно, я тебя уведу от него.

– Уводят лошадь- говорила Маша, посмеялась довольно. Пожила трубку и пошла на кухню, кидать рис в бульон. Положила туда маринованную морковь для скорости приготовления и остроты вкуса, лук, лавровый лист, и стала чистить чеснок.

Костя пришел с пакетом зеленых овощей. Он снова тянул воздух носом и хвалил жену.

Глава 4

*«Подъезжая под Ижоры,,
Я взглянул на небеса
И вспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.
Хоть я грустно очарован
Вашей девственной красотой,*

А. Пушкин

Молодые люди жили вместе с апреля. Любовь между ними, как и привязанность росла вместе с плодом, что появилось в утробе Маши. В начале июня они отпраздновали свадьбу у Юрия Павловича, друга Кости.

А сейчас, в конце месяца, Маша поняла, как хорошо быть беременной. Это была ее первая долгожданная беременность. Ей уже было тридцать два года, Косте уже тридцать шесть и молодая семья была рада этому.

Маша знала, что женщины в это время бывают капризными, но не вела себя так: у неё не было времени. Она недавно перевела три новых больших технических текстов с японского языка. Заказчик остался довольным и просил, чтобы Маша пока не занималась другой работой. Он готовил её еще материал. Маша хорошо заработала и решила отдохнуть где – либо в тихом уединенном месте. Костя был рад, заста-

вая жену дома, которая наводила порядок и чистоту. В их прежней квартире жил его брат Коля. Он тоже собирался жениться.

Костя видел, что жене нужен отдых, это чувствовалось и в интимных отношениях: словно повсюду торчали иероглифы, даже в постели.

– Маша, ты не хочешь пожить на даче у Юрия Павловича?

– Не хочу, там они меня доставали с прозвищем «Муська». Я помню, ты говорил, что дед твой оставил тебе усадьбу и ты теперь дворянин.

– Я всегда был дворянин старинного рода Мартыновых

– Ага! Один, из них убил Лермонтова?

– Да, если ты хочешь меня обидеть этим, то напрасно. Это была дуэль, и Лермонтов мог убить моего предка, но это судьба начертана свыше. Об этом поэт писал.

– А фамилия Семченко откуда?

– Мой дед взял фамилию своей матери. Его отец служил в Белой Гвардии, и уехал из Одессы во Францию! Это все точно описал Михаил Булгаков в роман «Бег».

– Это он стрелял в лошадь?

– В лошадь стрелял его друг.

– Жалко было лошадь. Я это видела по телевизору.

Они долго молчали. Маша достала таблицу с иероглифами, а Костя смотрел телевизор. Там показывали строительство на дачном участке.

Маша под села к нему и сказала:

– Расскажи про усадьбу Семченко.

– Давно там не был. Сложно добираться туда. Тогда у меня не было машины. А на даче сейчас живет Нина Петровна, дочь нашей бывшей соседки, учительницы бывшей, потерявшей мужа и квартиру.

– Почему?

– Это грустная история, Не хочу рассказывать, тем более, что я не знаю подлинной правды.

– Где эта усадьба? Наша усадьба.

– В Березове.

– Я знаю остановку электрички «Березово».

– Да. это так. Есть два поселка таких. Конечно, есть такой и в Тюменской области. А наш поселок был разделен на две части, когда образовали водохранилище, и наша усадьба осталась на другой стороне водохранилища. Но я слышал, что уже построили шоссе, в обход основной трассы для её разгрузки.

– И что там она так и живет твоя соседка?

– Да, там телефон есть на почте. Она мне звонит раз в два месяца. Варенье предлагала прошлым летом и огурцы.

– Наверное, все запущено?

– Я не знаю, помню, раньше было много малины и крыжовника

– А калина была? Мне её нужно употреблять после родов.

– Была, наверное. Там же лес не далеко. Птицы могли занести семена.

– Нам нужно съездить туда.

– А как твои переводы?

– Там и буду переводить. Привезем туда старый компьютер, как пишущую машинку. От телевизора можно и отдохнуть, мобильный там берет?

– Конечно. Мне соседка часто звонит по мобильному телефону соседа. Сосед спрашивал про запчасти, которыми мы тоже торгуем.

– Собираемся! Все! Пора! Звоню на работу начальнику, что работаю в своей собственной усадьбе! Круто?

– Круто!

– А ты будешь мне возить заказы. Я не уверена, что там будет интернет, и заказы будут в электронном виде.

– Для милой жены и будущего наследника я готов на все. И интернет устрою, и заказы будут в электронном виде.

– А если будет наследница?

– Ещё лучше. Мне очень хочется дочку тоже. Но у нас будут и сын, и дочка, и это не точка! – он весело засмеялся, и Маша тоже, что её первый ребенок уже почти есть.

Молодые собрали вещи: постельное белье, одежду, кастрюли, компьютер, принтер. Две упаковки бумаги, чемодан со словарями, поэтому продуктов взяли немного, и поехали.

Выехали днем, но попали в пробку. Долго стояли, Маша

достала таблицу иероглифов, но муж её остановил:

- Разве тебе не интересно узнать про усадьбу?
- Ты её и сам не видел давно.
- Ты права, но сердечко забилося
- Не волнуйся, – сказала Маша и запела:.

*Подъезжая под Ижоры,,
Я взглянул на небеса
И вспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.
Хоть я грустно очарован
Вашей девственной красой,*

– Да, Пушкин это правильно отразил, волнение чувствуется в словах.

– Я проезжала мимо Березова. Ездила за моими первыми заказами на переводы. Я тогда ездила за ними сама. Поселок, наверное, возник недавно? Там невысокие дома? Дачи?

– Нет. Что ты! Он возник раньше нашего города.

– Неужели?

– Да. Еще в семнадцатом веке на берегу притока Оби возникло несколько сел. Я помню только: Калинова, Кудесники и Сосновка.

– Так хорошо знаешь историю. Возникновения сел тоже.

– Мой дед был дворянин. Его звали Александр Сергеевич.

– Как и Пушкина звали. Он был поэтом?

– Он был врачом. Но него история была не простым зву-

ком, как и для поэта тоже.

– Ты говорил, что он знал Марию Климову- Мурку, и даже любил ее, но как он поехал в Сибирь?

– Кое – что знаю. Мария Климова умерла в марте 1952 года. Тогда Сталин был еще жив. Более того, были репрессии на врачей.

– Не только на них

– Ты права. Дед лечил Марию, она умерла в возрасте 55 лет от тромба в сосуде близко от сердца. Но кто бы стал оправдывать деда?

– Время было жестокое. Но ты так говоришь об этом, как о близких тебе людях.

Костя молчал, а Маша видела, как напряглись его скулы, она взялась снова за его правую руку. Она в этот раз не напрягалась. Маша прислонилась щекой к его плечу. Они сидели, молча, затем муж продолжал с дрожью в голосе:

– Он похоронил любимую женщину. Его в Москве больше ничего не держало. Ему было тогда пятьдесят лет всего. Ознакомился с историей Сибири, и решил поехать в Березово. У него была картина Сурикова: Меншиков в Березове. Ему это название понравилось.

– Он считал себя причастным к изгнанным знаменитостям.

– Вроде того, он же был Александром Сергеевичем.

– Он работал врачом? Ты говорил, что он полюбил Марию, когда ему было двадцать лет, когда он успел выучиться

на врача?

– Если ты не знаешь, то я скажу тебе, что в те времена, в двадцатые годы Ленин разогнал всю прежнюю интеллигенцию, и сразу стали набирать отборную молодежь в Вузы.

– Отборные бывают овощи!

– Так именно и рассуждало государство: нужно выращивать свои овощи на почве старой культуры.

– Как ты выражаешься! Классно!

– Классно- прекрасно! Я даже книгу начал писать о тех временах.

– И где она? Ой, давай сверни на обочину. Пока лес рядом, мне нужно зайти в лесок.

Костя свернул с шоссе на широкую обочину. Они вошли в лес, погуляли немного и сели в машину: боялись укуса клещей. Маша ему напомнила про книгу, которую он писал.

– Я её где – то потерял на даче, между прочим, на чердаке, наверное. Там и фотографий было много о тех временах, дед хорошо сохранял память своей молодости. Так вот дед, когда учился в медицинском институте, много видел трупов на лабораторных занятиях, хорошо знал анатомию.

– Причем анатомия? Ну да, конечно.

– В то время многих студентов «просили» помогать секретным органам для выслеживания « тайных врагов советской власти». Такие, конечно, были.

– Помогать секретным органам?

– Да. Но сейчас не про это. Однажды его знание анатомии

спасло Марию. Он... как это сказать... но это после рассказу.

– Но немного расскажи.

– Вот строки из моего романа: «Мурка лежала на голой земле в галифе. Блестел зубик золотой « в ейном ротике». Синие глаза глядели в небо. И текла кровь из- под кожаной тужурки.

– Ты говоришь уже как пареньь того времени. А как дед спас знанием анатомии?

– Он удачно пришил мешочек с «вареньем» под тужуркой. Мурки, варенье и текло на землю. Он сам стрелял в это место на виду у банды.

– Сам стрелял?

– Да! Бандиты уже подозревали Мурку, а мой дед был внедрен в банду и сам предложил расправиться с любимицей бандитов. Да у них и рука на нее не поднималась: Мурка сверлила их глазами, как пулями

– Бандиты могли сделать контрольный выстрел в голову.

– Что ты!? Сам глава банды был в неё влюблен и просил деда: «Только не в голову, я не хочу видеть её уродливой.»

– Даже так!

– Да, многие её любили, одновременно подозревали и любили.

– Я понимаю, как дед был рад, что удачно получилось. Он и сам рисковал?

– Конечно. Он спас любимую женщину. Да, он песню при-

думал. Он ее пел часто. Я немного помню.

– Спой.

– Попробую.

Он прокашлялся, глотнул сока из бутылки и запел приятным голосом:

*Уже и на севере ищут Мурку, сбежавшую
Хитро после выстрела ложного, выстрела,
Что был хитрым обманом.
Обманов для урков всемогущих.*

*«Цирк» этот сделал доктор, влюбленный в нее
Сильно, и он устроил побег,
Выстрел был ложный, много пролилось варенья,
И Мурка лежала долго, в небо, смотря открытыми
Голубыми глазами, пока не сбежали урки,
Она лежала тихо, но урки слиняли быстро,
Услышав сигналы Скорой. Мурку несли на носилках
Спасая агента ценного, она в машине смеялась
От потрясения нервного*

Они оба молчали, словно сами стояли и смотрели на женщину, смотревшую в небо голубыми глазами.

– Я и сейчас тоскую о том времени, хотя там и не жил. Поздно меня родили. Все мы поехали: пробка закончилась. Они проехали по времени не более пятнадцати минут

и снова остановились. Маша все помнила и тут же спросила:

– Я поняла, что дед был врачом и чекистом одновременно.

– Да, и это ему помогало успешно.

– Как?

– Он был удачно внедрен в банду. И когда узнавал, что бандиты «раскололи» внедренного сотрудника чекистов, и собирались его «пришить», то обманывал их умело.

– Каким образом?

– Так же. Он на будущую «жертву» заранее надевал тонкий защитный жилет. Затем под пиджаком укреплял пакеты с красным густым сиропом, смешанным с бычьей кровью.

В присутствии банды дед напал на «жертву». Стрелял в места, где были пакеты. «Жертва» падала, воняло бычьей кровью. Многие уходили сразу, некоторых рвало, и они говорили: «Какой же он был гад вонючий!» но каждый раз все было иначе.

– Человека этого спасали?

– Да. Конечно. «Труп» оставался на месте но, другие люди его «обнаруживали» и забирали. После его восстанавливали, потому, что падение часто было не удачно. Затем переводили в Ленинград или в Москву. Такие кадры были нужны везде.

– Или в Тамбов?

– Нет, Тамбов был близко, и нашего товарища могли узнать урки: они переезжали из города, в город.

– Хорошо! Неужели тогда были такие жилеты?

– Если уже в 1942 году такие жилеты были для всех экипажей, то для чекистов они были уже в 1925- 27 годах.

– Откуда ты это знаешь?

– Это моя профессия. То, что я работаю по запасным частям для автомобилей, это следствие моей профессии.

– Ты был испытателем таких жилетов?

– Да. Как ты догадалась?

– Есть такое понятие «эгрегор». Когда один человек или люди долго говорят, или делают что-либо в одном направлении, то формируется «душа» этого понятия или явления.

– И где она существует?

– Скажем, что в окружающем пространстве.

– Согласен.

– И если есть хорошие уши для её высаживания и интерес к ней, то человек «слышит» суть понятия или явления. Я, например, задаю мысленно вопрос, вижу быструю картинку, которую мне посылает «эгрегор». Как миг!

Глава 5

*«Не Боги горшки обжигают»
Пословица.*

– Все ожидал от тебя, но то, что у тебя такой тонкий ум, не ожидал. Поэтому и Эдик тебя боялся.

Маша долго смеялась, смеялась и смеялась, пока снова они поехали: пробка рассосалась. Ехали медленно по одной полосе. По другой стороне шли работы по строительству шоссе. Маша решила сменить тему и спрашивала про дом. Костя говорил медленно, вспоминая место, где прошло его детство:

– Дом широкий одноэтажный из красного кирпича. Стены тоже широкие. Дед еще только учился класть стены. Но кирпича было так много. Поэтому и потолки в доме высокие и баня была кирпичная, а не деревянная.

– Ты меня снова удивил. Врач приехал в Березово, и построил дом из кирпича. Он не работал врачом?

– Нет, что ты? Это было опасно: врач приехал из Москвы в глухой поселок. Зачем? От кого он бежал? Это вызвало бы интерес органов. А ему это было не нужно. Он пришел в местную больницу: поранил ногу в дороге. Ногу быстро перевязали, только и всего. Выдали прочные штаны. Там шло строительство нового корпуса из кирпича. Рабочих не хва-

тало, ему предложили работу. Ему этого только и было нужно. Жили все во времянке. Дед стал обучаться на кладчика кирпича.

– « Не боги обжигают кирпичи»

– Ты ошиблась: « Не Боги горшки обжигают»

– Ах! Что это я. Я же переводила: «But it's not gods who bake the pots.»» -« Не Боги горшки обжигают» правильно.

– Так был и построен этот большой дом.

– С большой тайной?

– Откуда ты это знаешь?

– От тебя веет тайной, мой милый, и раскроем мы её вместе с тобой.

– Ты еще не знаешь главного, – сказал медленно муж, и долго молчал. Затем вытащил платок, вытер глаза и только тогда произнес тихо:

– Дед взял с собой из Москвы дочку Марии. Она говорила, что дочь и его тоже. В её метриках было написано: Ольга Александровна. То есть отчество: от имени моего деда.

– Но он тогда был не дед, ведь.

– Конечно. Он взял с собой дочку. Ей было тогда восемнадцать лет.

– Дочка Мурки и твоего деда?

– Выходит, что так. Деду хватало заработка. Но деньги у него были еще из Москвы. Вещи тоже, даже большой сундук. Олю приняли санитаркой в больницу сразу. У нее было Свидетельство об окончании медицинского училища.

Рабочим разрешали выписывать кирпич. Дед так и сделал. На стройке он познакомился с Раисой Петровной.

– И они стали строить дом?

– И дом и семью. Деду было пятьдесят лет, он был моложе Маши Климовой, но старше Раисы Петровны на двадцать лет. Они оба и выписывали кирпич несколько раз.

– Понятно, дед был красивый, раз его любила Маша Климова.

– Да, это так. Если наверху уцелели фотографии тех лет, то увидишь его фото. Но Раиса не могла родить от тяжелой работы на стройке.

– А Оля?

– Оля родила сына в 1956 году. Но мужа её убили неизвестные, когда она была беременна на восьмом месяце.

– Её выследили, а убили мужа?

– Нет. Никто не выслеживал санитарку в Сибири. Была драка. Вот и вся история.

– А её сын?

– Сына на себя записал дед. Иван Александрович: мой отец. В Свидетельстве о рождении Вани указана мать: Раиса Петровна. Она его и растила. Своих детей у нее не было от тяжелой работы на стройке. После она не работала: уже был сынок и хозяйство. Корову завели.

– А Оля?

– Дед хорошо зарабатывал и отправил её учиться в город на врача. Она там и замуж удачно вышла за студента из стро-

ительного института, который был раньше офицером. Его списали по здоровью и устроили учиться в институт

– А где она сейчас?

– Она и её муж: заслуженные Ветераны живут в Академгородке. Бывший офицер занимал там должность по строительству новых корпусов институтов. Она уже врачом не работала. Она моя бабушка, я к ней приезжал часто, потому что папа не мог часто бывать.

– Про папу потом расскажешь. Муж Оли знал, чья она дочь?

– Никто не знал. Раисе он тоже не говорил. Женский язык не может долго держать интересные вещи.

– А мне ты рассказал.

– Ну и что? Ты что будешь всем рассказывать, что твой муж – внук Мурки, которую боялись урки?

– Так это твоего отца усыновил бывший чекист?

– Да, и у моего отца тоже интересная история, но у мамы тоже.

– Расскажи.

– Они разлетелись, как бильярдные шары по разным странам, но были оба счастливы, хотя и неплохо жили.

– Почему тогда были счастливы, когда по разным странам, разъехались?

– Они поехали по туристической путевке в Германию. И в это время папа встретил там свою первую любовь, которая уехала от него в Ленинград, там и училась и вышла за-

муж. Два года назад перед встречей с папой, овдовела. И вот, в это время когда и папа был в Германии, они встретились, узнали друг друга и долго сидели вместе в холе гостиницы, и весело болтали. Она тоже поехала по туристической путевке

– А мама?

– Маме было обидно. Но на неё положил глаз местный администратор гостиницы. Пожилой русский тоже жил один три года. Он покупал маме цветы, шоколад, она от обиды и вышла за него замуж.

– Молодец!

– Не сразу. Родители подали на развод, развели быстро, потому что не было претензий, а мы с братом были уже совершенно летние.

– Твоя мама сейчас живет в Германии? Как её звать?

– Валентина. Она живет в городе Хайдельберге. Он лежит в долине реки Неккара, все красиво, но она все-таки скучает по России. И тяжело болела: осложнение на легкие было тяжелое.

– От тоски даже туберкулез возникает. И как давно это было?

– Два года назад, поэтому я тогда и не мог думать о женитьбе. А моя невеста вышла замуж за моего друга. Я тебе уже говорил про это.

– Я это помню.

– А ты подумала, что я так легко оставил свою женщину.

– Было, но я тоже не из тех...

– «Под лежащий камень и вода не течет»!

– Можно и так сказать.

Маша стала смеяться своим раскатистым смехом, и Косте стало легче от воспоминаний. Он стал улыбаться. Он ехали молча, но Маша спросила про папу.

– Папа так и живет со своей первой любовью в Ленинграде. Она преподаватель в консерватории. Он научился петь, а пение продляет жизнь. Родители оставили нам маленькую двухкомнатную квартиру. Мы в ней жили вчетвером. Но мы её расширили с братом.

– Стену сломали?

– Зачем? Что-то у тебя с памятью стало...

– «Все, что было не со мной, помню...»

– Молодец. Я же говорил тебе, что мы заработали деньги и купили двухкомнатную полнометражную большую квартиру.

– Ты говорил, что купили двухкомнатную квартиру, а что вы продали прежнюю квартиру, не говорил.

– Может быть... Вы жили в городе с родителями в маленькой двухкомнатной квартире. А доме, куда мы едем, кто жил тогда?

– Жила соседка наша бывшая. Семейные обстоятельства, и ещё нужно была жить в сельской местности по состоянию здоровья она та и жила. А мы ездили на дачу туда летом. У меня там и друзья детства были тогда. Помню Колю только

хорошо. Сейчас там живет её дочь Нина Петровна.

– Тебе грустно стало?

– Конечно. Хорошо там было. А ты так и не поняла моего грустного рассказа, потому что держала иероглифы перед глазами, – говорил Костя и вытирал глаза платком.

– Я их держала и все. Хотя мои глаза их хорошо запомнила, наверное.

– Вот такая история, моя Мусенька. А как Эдик тебя звал?

– Цветочком.

– Неужели? Такая страсть была у вас?

– При чем здесь страсть?

– Гм, гм,,, – Я называю «цветком страсти» то, что другие люди называют словом на букву О... там шесть букв.

– На букву О, о..., – оладьи?

– Как? Оладьи?

Он долго смеялся, потом сказал сквозь смех:

– У некоторых это может быть и оладьи, бывают...

– Не поняла причину твоего хохота, и кроссвордов не люблю.

Маша долго молчала, Костя тоже понял, почему Маша легко рассталась с первым мужем.

– Эдик тебя страстно любил, дарил цветы... и прочее, но видно не смог дать, что дал другой, у которой от него родился ребенок.

– Цветов не много я от него видала.

– Поэтому он и ушел к другой женщине, у которой был

«цветок страсти».

– Не знаю такого цветка.

– Потому что долго раскрашивала иероглифы цветными карандашами, вот поэтому и не знала.

У Маши явно испортилось настроение, и она сказала почти сердито:

– «Моя твоя не понимает и все! т» Но мы, уже приехали.

На окраине коттеджи высокие!

– Да, мне трудно будет найти нашу «усадьбу».

– Напомни, как звать твою бывшую соседку, что сейчас живет в нашем доме?

– «В нашем доме» – это приятно слышать. А её зовут Нина

Петровна

– Спасибо.

Костя так давно не был здесь, он боялся что его «усадьба» заросла крапивой. Потому что Нина Петровна любила крапиву, варила из неё щи и сушила её на зиму от всех болезней. Он не сразу узнал поселок. Как грибы после дождя выросли коттеджи. Построили большой супермаркет и школу.

Глава 6

*Здесь когда-то малина была,
А теперь все репей да крапива.
Рядом дева жила и пила
По-гусарски легко и красиво.
Нынче где эта дева? Бог весть.
А. Дидуров*

Но он нашел свою «усадьбу» – свое родовое гнездо. Как ни как, а родовое! Рядом росли кусты и деревья калины, ирги и черемухи, заглушая крапиву. Но красный высокий кирпичный дом упрямо выглядывал через их ветки. Все это радовала Машу. Собака залаяла, но успокоилась. Хозяйка звала её:

– Тотя, это свои приехали. Добро пожаловать, такие молодые и красивые!

Она взяла Тотю за поводок и радостно встречала гостей.

Женщины знакомились, а Костя перетаскивал вещи. Нина Петровна видела, что много вещей, и спросила:

– Вы на все лето? Тогда я рада. Дочка вышла замуж в городе. Сюда не приезжает редко.

– Да. Здесь так красиво!

Маша осматривала чистый, аккуратный двор. Близко от ворот росли две небольших ели и береза, она была не старая, радовала спускавшимися длинными ветвями с сережка-

ми. Деревья делали двор, похожим на дачу. Это усиливалось тем, что у сарая и курятника стояли в больших горшках красные герани. Длинный железный лоток с водой был оформлен в виде корабля с мачтой, и флажок на ней указывал направление ветра. Бегали куры по траве, уцелевшей по краям. Посреди двора лежала широкая бетонная дорожка, окруженная кустами крыжовника. Дорожка вела до железной ограды, где росла ель, и были видны кусты ревеня на первом плане. Он приветствовал гостей высокими светлыми стрелками: набирал уже дружный цвет.

На дорожке стояла детская коляска с ребенком. Нина Петровна заботливо заглянула в неё, поправила одеяльце, и тихо сказала:

– Это молодая соседка привозит дитя на половину дня. Он спокойный мальчик и сейчас спит. Раньше ко мне водили шестилетнего мальчика, вот и кораблик с мачтой остался, а сейчас он ходит в школу, английскую, между прочим,

– Я поняла, шуметь не буду, – говорила гостя шепотом.

– Вы хотели посмотреть сад и огород? Так это за железной изгородью, еще дед ее ставил от коз, а сейчас это пригодилось: Тотя повадилась откусывать зеленые помидоры летом, а зимой находила под снегом ветки смородины и перегрызала их.

– Я слышала про это и читала. Но я вижу отсюда, что крыжовник не за изгородью?

– Так он колючий!

– Ах. Верно.

– Вы сейчас пойдете смотреть огород?

– Нет, что вы. Я устала. Уже и отсюда все видно и стройные ряды помидоров и малину подальше.

– А малина у меня особенная! Ты увидишь! – весело говорила хозяйка, переходя на «ты»

Маше это нравилось: ведь им жить долго вместе, это она уже поняла, и медленно шла по бетонной дорожке, а соседка заливалась, как соловей:

– Представьте, что я нашла на улице два кустика, обронил кто-то и от этих кустиков за пять выросли три ряда высокой малины. А ягоды на них такие длинные. Ты удивишься, когда начнет поспевать малина. А сейчас только жимолость осталась.

Видно, что женщине хотелось поговорить. Она раньше была учительницей, а сейчас сидела дома и брала детей на воспитание. Но сейчас всех разобрали родители, и только этот маленький лежал в коляске. Так весело и быстро она рассказала о себе.

За это время Костя уже и вещи все перетащил в дом. И чай поставил, он вышел на крыльцо и увидел, как уже Нина Петровна открывала калитку в железной изгороди, чтобы уйти с Машей в сад-огород.

Увидел коляску с ребенком, понял, что кричать нельзя. Пошел за ними и привел их домой за руки, как хозяин положения. Те еще оглядывались, но он им сказал:

– Маша и Нина Петровна, пора к столу, бутерброды на столе, чай тоже будет скоро.

– Тогда я варенья принесу из сарая. Там у меня холодильник стоит. И огурцы тоже есть малосольные

– Малосольные огурцы, обязательно, попрошу, – сказала тихо Маша и проглотила слюну. Но это не прошло мимо опытных глаз Нины Петровны.

Она поняла, что гости приехали надолго. И, наверное, не будут уже гостями. Но высказывать вслух она не стала этого. Ей уже было скучно: дочь училась в Ленинграде, там и замуж вышла. Приезжала год назад.

Нина Петровна насыпала корм в низкий лоток для кур. Зашла в сарай и вышла оттуда с корзинкой, где была банка варенья и банка огурцов. Она еще раз оглядела двор и вошла в дом.

За столом Костя разливал чай. На столе были бутерброды с ветчиной и большая кость от неё.

Костя предложил хозяйке убрать эту кость для свекольника:

– Так хочется свекольника!

– Свекольник из квашеной капусты варить? – спросила хозяйка.

– Лучше из ревеня, который, я видел, не перевелся у вас. Свекла и картошка есть?

– Много редьки, свеклы, особенно крупной, моркови и лук много, а картошки не очень много.

– Прекрасно. Расходуйте картошку, не жалейте, я завтра куплю мешок. Люблю её с луком и салом жареную. Красный свекольник сварите из этой кости. Свеклу и морковь потушите с луком, картошку раньше опустите. А нарезанный ремень положить нужно тогда, когда уже не будет нагрева кастрюли.

– Интересно как? – удивилась Нина Петровна

– Где ты этому научился? – спросила Маша

– Так варит жена Юрия Павловича, – ответил он и покраснел до ушей, словно свеклу проглотил. Но женщины этого не заметили. Они ели бутерброды и хвалили окорок.

– А чай вкусный. Этот, как его... забыл, который кустом большим растёт...

– Курильский?

– Да, он. Курильский. Он сохранился?

– Да, его размножила. Соседи просили.

– Спасибо вам и соседям, завтра заварим курильский чай.

– Я думала, что он растёт на курильских островах? – удивилась Маша.

– Ещё скажешь, что в Японии, – сказал Костя и стал смеяться, просто так, от полноты жизни. От того, что он в своей усадьбе, у него умная, красивая жена, и она беременна, покладистая, капризы не устраивает. Он вспомнил про слово на букву «О», в котором шесть букв, и Маша назвала, что это «олады». Он отошел немного в сторону и смеялся.

– Что смешного?

– Ничего. Это я так радуюсь, что здесь все так красиво, чисто и добрая собака.

– Бывает: «смешинка в рот попала». Это хорошо. Смех полезен для здоровья. А я давно уже не смеялась, – говорила Нина Петровна.

Женщины улыбались и потихоньку убрали со стола.

Костя сел в глубокое кресло. Он был рад, что приехал в дом, где жил его отец и дед, где сейчас его красивая беременная жена возится с посудой. Что она хорошо ладит с людьми и хорошо себя чувствует. Что она не только такая красивая и знает много языков. Он словно впервые увидел свою жену, и сказал:

– Сядь напротив, пожалуйста! Маша, сядь!

– Это зачем? – удивилась Маша, подвинула стул и села напротив мужа.

– Вот так и сиди. Гипнотизируй меня, как удав кролика.

– Смешной. Ты у меня, где наши ушки на макушке? – говорила она, обнимая его голову, и целую в макушку, но села, как просил муж. Немного посмотрела на мужа, и рассматривала большую комнату, не комнату, а зал.

Костя видел перед собой женщину, словно сошедшую с экрана двадцать пятого года. Перед ним сидела уверенная брюнетка с красивыми синими глазами. Женщина это знала и на ней была синяя блузка с белой «у-образной» вставкой. Она сделала стрижку перед поездкой. Аккуратная челка темных волос лежала спокойно на красивом лбу. Нос был

прямой, не было в нем игривой курносости. Такой же прямой нос был и Марии (Мурки) на фото в служебном документе. Это было лицо уверенной в себе женщины, и это радовало его, как вся фигура жены. Маша не носила декольте. Нечего было показывать.

Но так это было модно в двадцатые годы. Когда у женщин была в моде фигура мальчика. Он помнил, что дед говорил, что Маша стягивала грудь, согласно той моде. Поэтому тонкий защитный жилет не был так заметен на её фигуре, когда она «шла на дело».

Костя постепенно стал дремать, его жена встала, обняла его и продолжала детально, осматривать большое нижнее помещение дома. В то время, когда строилось это строение, не увлекались перегородками: любили «гулять» широко.

Зал был и гостиной и кухней одновременно. Его большая площадь позволяла расположить угловой диван так, что образовалась зона отдыха, где располагались два кресла у длинной стены и между ними журнальный столик. Большой телевизор у стены, и много цветов на окнах. Декоративная штора закрывала лестницу, что вела на чердак. Но заглядывать туда Маше ещё было неудобно, при хозяйке. Но как только она ушла во двор, то Маша заглянула туда и увидела ряд стульев. Их было шесть, они имели толстые сиденья. На трех стульях были опрокинуты три табуретки тоже с толстыми сиденьями. Ясно, что это были стулья из прошлого.

Глава 7

*«Явившись раз к высокопоставленному лицу,
Пушкин застал его развалившимся на диване.
При входе поэта вельможа и не подумал
изменить позы
И. Токов.*

Костя, утомленный дорогой и бутербродами с ветчиной, тихо дремал, раскинувшись на большом диване.

Хозяйка заметила, что Маша разглядывает эту мебель и сказала:

– Не можете себе представить, но этот новый угловой диван с креслами новые хозяева большого коттеджа выставили на улицу. Собирались куда-то везти или ломать, чтобы лучше грузить. Но в это время мой зять был здесь в гостях. Они с моей дочерью шли из магазина. Зять поговорил с хозяевами мебели, и рабочие привезли это к нам.

– Шикарно!

Маша раскачивалась на большом диване и трогала его везде.

– Слушай дальше!

– Охотно.

– Я угостила их наливкой из смородины, обедом тоже. По моему мнению, зять заплатил им немного, потому что они ушли довольные, улыбались. И на другой день привезли этот

телевизор и холодильник. Я им дала сумку с наливкой и солеными груздями.

– Богато у вас стали жить!

– Да, богато! Такой клуб большой построили, и там банкеты устраивают. Строят частную школу с английским уклоном. Меня звали. Я ведь учитель физики. Но я еще думаю об этом, если только мало часов будет, то соглашусь

Маша переглянулась с Костей. Нина Петровна заметила это и спросила:

– Вы тоже учительница?

– Нет, но могу быть учителем. Физику могу преподавать, если пройду курсы усовершенствования учителей. Моя специальность- электротехника.

– Она еще знает японский язык, – сказал муж сквозь дремоту, – скажи что-нибудь на японском языке.

Маша задумалась и произнесла, что помнила:

– Домо, итадакимасу. Ий дэсу.

Но она вспомнила, что «итадакимасу» произносят люди, садясь за стол, и стала смеяться.

– Что это такое, то один смеется, то другая. Ты, наверное, что-то смешное сказала про нас и смеешься.

– Да, нет. Чтобы понимать юмор другого языка, нужно жить там. Например, я знаю, что иностранцам трудно понимать наши анекдоты и выражения. К нам в офис приезжал человек из Германии. Он здесь купил две майки, на одной был странный текст: « Вдруг завтра война. А я устал»

– И что?

– Он показал эту майку моим сотрудницам. Они долго смеялись. А когда он показал другую майку, то Наташа стекла со стула, как студень. Другая из вежливости только улыбалась: она была этнической немкой, как тот гость.

– А что там было написано? – спрашивала Нина Петровна

– Не помню, но что-то про олады.

Костя при этих словах окончательно проснулся, стал смеяться и говорить, что он помнит про эту надпись: про олады.

– Скажи, – говорила Маша.

– Не буду говорить при дамах выражения с двойным смыслом.

– Ну, конечно, ты у нас дворянин! – напомнила ему Маша.

– Да. А ты подумай: можешь преподавать японский язык в школе.

– Но это только для кружков, где одаренные дети захотят позаниматься. А для детей этот будет как игра, я и сама играю в это.

– Интересно, – говорила хозяйка, – сейчас нужно подумать, где вы будете спать. На нижнем этаже, кроме этого зала, есть две спальни: большая и поменьше. В большой спальне стоит такая широкая кровать, что её трудно заправлять простынями. У меня таких больших простыней нет. Я сшила из двух.

– Когда вы успели её купить?

– Она тоже принесена грузчиками и шкаф большой мод-

ный. Тоже из коттеджа. Даже трельяж новый, принесли, потому что вся эта мебель, как и диван с креслами, не подошли к стилю мебели нового владельца коттеджа.

– Вы так говорите: «нижний этаж». А что наверху тогда?

– Наверху высокий чердак, куда зять с соседом перетащил прежнюю мебель: две кровати из спален, диван, большой письменный стол из зала, и еще много чего. Сами увидите. Там я сплю, когда очень жарко летом. Вы сами и посмотрите. Я только ковры не люблю. А них пыль копится, а мне это вредно. Там половички, которые легко стирать в машине.

– А большой сундук не выкинули? – тихо спросил Костя, и стал нервно ходить по комнате.

– Кто же такую старину выкинет? Он там, как стоял, так и стоит. Я два раза в год открываю его и брызгаю туда из баллона от моли. Есть такое средство. Там перевязанные папки лежат, альбомы с фотографиями. Даже патефон с пластинками.

– Патефон? – удивилась Маша.

– Да. Но я боюсь к этому дотрагиваться.

– Почему? – удивилась Маша.

– Там такой сундук. Иногда скрипит от чего-то. Железом оббит, Так и кажется, что откроется и оттуда жулик с наганом появится

– А ведь вы правильно мыслите: там был наган, тщательно завернутый в плотную ткань.

– Не зря. Как только подойду, то руки опускаются, я сра-

зу вспоминаю о делах, что кур нужно кормить и собаку, вообще, сразу ухожу. Включаю телевизор. Это тогда, когда ко мне детей не приносят нянчиться. А так нет времени. Вот и сейчас соседка машет, нужно выйти, отдать ребенка.

– А собака её пустила?

– А как же! Она ей и кости и еду из столовой приносит в пакетах, и сейчас принесла, наверное. Она в столовой работает. Да, забыла. Сейчас это уже кафе «Спутник» стало называться.

– А еще, что нового построили? – спросил Костя.

– Клуб имени Бродского. Это богатые люди спонсировали его строительство и на открытия пригласили поэтов из города.

– Странно. Бродский уехал в Америку, – говорила медленно Маша

– Мы этого не знаем. Но клуб теперь зовут Бродвеем, и дорожку, что к нему ведет, тоже так зовут. Рядом широкие длинные дорожки, обсаженные липами, скамейки железные, чтобы не украли. Молодежь говорит: «Пройдемся по Бродвею!». Да, ели посадили тоже.

Нина Петровна вышла. А гости стали осматривать все и обнаружили ванную комнату с двумя наборами душа, современный туалет. Они видели туалет на улице. Так и думали, что только он и есть.

Хозяйка пришла быстро и увидела их, выходящих из ван-

ны, всплеснула руками и произнесла:

– Как я вам забыла сказать, что те же рабочие принесли мне ванну и унитаз, два душа, тоже все из коттеджа.

– Раньше это была кладовка, – вспомнил Костя.

– Да. Я мужикам хорошо заплатила за это. Тогда отдала все свои сбережения. Потому что они рыли канавы и подсоединяли это все к центральной сети. Но это стоило дорого.

– Выходит, что теперь все как в городе?

– Это уже давно уже так. Вы же видели, какие здесь коттеджи? Станция очистная работает. Все у нас хорошо. Никто не хочет жить, если рядом будет вонять. Простите меня за это слово.

– Спасибо, вы нас порадовали. Но верхний этаж мы посмотрим завтра.

– Тогда я вам приготовлю ванну?

– Нет. Мы сами это сделаем. Наша милая, Нина Петровна. Спасибо вам, вы все здесь так устроили, как настоящая родственница.

– Родственница?

– Да, представьте себе, что вы наша родная тётя. Но мы будем вас любить как маму.

Она заплакала, пошатнулась. Костя усадил ее в кресло. Маша обняла её. Костя пошел готовить ванну.

– Как я рада, что вы приехали, я думаю, что вам подойдет спальня слева, это большая, – тихо говорила Нина Петровна.

– Мы рады, – сказала Маша.

– Представляете, как мне было скучно: в большом доме жить одиноко женщине. Еще когда дочь жила здесь, то и молодежь собиралась. Часто кто-либо ночевал из гостей. Летом готовили шашлыки и пели до утра. Зимой по двору катались на коньках: мы каток заливали и во дворе елку наряжали с лампочками. А вот сейчас ко мне повадился местный юродивый. Так я его называю для себя, конечно.

– Настоящий юродивый? – удивилась Маша, – хотела бы я его увидеть.

– Увидите. А что юродивый? Ну, как. Вам сказать? Это обидно для него, ведь мужчина крепкий, помогал рабочим здесь.

– На этом дворе? – удивилась Маша

– И не только. Он у нас два душа установил сам. Но, увы и ах.

– Голова в кустах, – вставил свой пятак Костя.

– Вы правильно заметили, бывало, и в кустах лежала его голова. Когда умерла его жена, стал горевать и пить. И спал, правда, на улице. Говорил, что супруга приходит по ночам к нему на кухню и моет посуду, как приведение, и гремит ложками по чайнику. Потому он часто и просился ночевать у других. Там его кормили, угощали самогоном. Постепенно он спился, а ведь был учителем литературы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.